

«СЕРДЦЕ ТЬМЫ» И «ЛОРД ДЖИМ» ДЖ. КОНРАДА: АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖЕНСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАСОВЫХ И ГЕНДЕРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Проблема женственности как она актуализирована в анализируемых произведениях Дж. Конрада рассматривается в традиционном для английского (анти)колониалистского дискурса XVI-XIX вв. контексте расового и гендерного взаимодействия.

Ключевые слова: женственность, раса, гендер, (анти)колониалистский дискурс, викторианский роман, «новая женщина», гибридность, традиция, новаторство.

Проблема жіночності як вона актуалізована у названих творах Дж. Конрада розглядається у традиційному для англійського (анти)колоніалістського дискурсу XVI-XIX ст. контексті расової та гендерної взаємодії.

Ключові слова: жіночність, раса, гендер, (анти)колоніалістський дискурс, вікторіанський роман, «нова жінка», гібридність, традиція, новаторство.

The issue of femininity actualized in J. Conrad's works under analysis is considered in the context of race and gender relationship as a part of traditional English (anti)colonialist discourse of 16th-19th cent.

Key words: femininity, race, gender, (anti)colonialist discourse, Victorian novel, «New Woman», hybridity, tradition, innovation.

Проблемы расовых и гендерных различий и взаимодействий отечественное литературоведение зачастую рассматривает в отрыве друг от друга. При этом в науке о литературе существует и другой подход: race and gender relationship изучается во взаимосвязи, а иногда и в неразрывном единстве, – будучи окрашенными (и объединенными) гуманистическим пафосом произведения¹ [10].

Предлагаемая работа рассматривает концепцию женственности как она актуализована автором «Сердца Тьмы» и «Лорда Джима» в контексте проблемы «инаковости» не-белой расы и «инога» – не-мужского (т. е. женского) пола. Представляется, что обозначенную нами проблему женственности в контексте проблемы расовых и гендерных взаимодействий Дж. Конрад исследует в русле традиции английского национального дискурса о колонизованных странах и народах, при этом предошутив перспективы глобального развития человека и общества наступающего XX века как в гендерном, так и в расовом аспектах. В английской литературе гендерные различия и расовые конфликты в их соположении и взаимосвязи являются предметом художественного исследования, начиная с эпохи раннего модерна.

Английский (антиколониалистский) дискурс в XV веке был открыт обширным массивом отчетов о

путешествиях (*travel accounts*) [21], популярных на заре английской колониальной экспансии XV-XVII веков. В елизаветинскую эпоху этот дискурс был поднят на качественно иной – *художественный* уровень первой же трагедией К. Марло «Dido, the Queen of Carthage» («Дидона, царица Карфагена») и его последующими великими трагедиями – в первую очередь «Тамерланом Великим». В XVII в. этот дискурс углубляет В. Шекспир («Отелло», 1604), а в самом конце столетия его развивает – уже в ином литературном роде и в радикально изменившемся социально-политическом и социокультурном контексте Англии – роман Афры Бен «Ogoonoko» (1688)².

В пьесе о венецианском мавре Шекспир подверг сомнению убежденность своих современников в Turkish/Moorish inferiority – в неполноценности иных (не-белых) рас, актуализировав эту проблему в неразрывном единстве с современной же ему концепцией неполноценности (второсортности) женщин [11]. Роман Афры Бен продолжил начатое Шекспиром исследование проблемы расы и гендера в их взаимосвязи и взаимозависимости. Р. Нестволд указывает на принадлежность протагониста «Оруноко» – чернокожего мужчины-раба и его белой госпожи, от имени которой ведется романное повествование, к двум социально ущемленным слоям

¹ См. работы, посвященные проблемам расы, гендера и религии в шекспировском «Отелло», например, Э. Эванс [9].

² Интересно, что отечественная школа литературоведения рассматривала роман А. Бен в соположении гендерных различий и расовых конфликтов еще в начале 1980-х гг. [5].

общества – к женщинам и рабам. Исследовательница рассматривает приемы, посредством которых этот ранний образец прозаического нарратива освещает сложную взаимосвязь расы и гендера: «Оруноко» – история о царственном рабе, рассказанная с точки зрения принадлежащей к среднему классу белой госпожи-колонизатора: чернокожий протагонист-мужчина может говорить только устами белой повествовательницы-женщины». По мнению Нестволд, художественная ситуация романа уже сама по себе указывает на упрощенность метафоры «woman= colonized», восходящую к *travel accounts* эпохи ранней колониальной экспансии [17]. Л. Доналдсон отмечает, что белые женщины, принадлежащие к среднему классу, в Новое время были противоречивым образом позиционированы в обществе как *одновременно* колонизованные патриархальные объекты – и привилегированные субъекты, принадлежащие к колонизирующей расе [10]. Позднее, в ранневикторианскую эпоху, это двойственное и противоречивое позиционирование белой женщины из привилегированного класса в британском социуме будет актуализовано в классическом образце антиколониалистского (Ch. Neuwoud) [12; 13] романа Эмили Бронте («Грозовой Перевал»)³ образом главной героини Кэтрин Эрншо, чью судьбу трагически оборвет столкновение упомянутых противоречивых и бесчеловечных женских ипостасей [1; 4].

Антиколониалистский пафос «Грозового Перевала» был подготовлен мощным гуманистическим – прежде всего аболиционистским – дискурсом английской женской литературы XVIII – первой трети XIX вв. Это была большей частью литература «второго ряда» – хотя и не только: в числе романисток, исследовавших проблемы расы и гендера – великие английские писательницы: помимо Афры Бен, здесь блистают имена М. Эджворт, Дж. Остин, Ш. и Э. Бронте⁴.

Аболиционистская проза и «романы о гувернантках» английских женщин-писательниц обнаруживают принципиальное сходство положения двух «инаковых» социальных групп в англоговорящем обществе – женщин и представителей расовых меньшинств. Сущность – и идентичность – положения рабов из колоний и молодых образованных женщин-бесприданниц, вынужденных зарабатывать себе на жизнь трудом гувернантки, воплотила в своих интимных заметках автор самого знаменитого «романа о гувернантке» Шарлотта Бронте: «This is slavery».

«Сердце Тьмы» – текст, являющий собой (и задуманный Конрадом) как абсолютно мужское

чтение, неожиданным образом продолжает эту великую гуманистическую традицию английской литературной классики: в романе сопоставляются два «other worlds» – мир Африки – мир чернокожих гребцов, принадлежащих своей земле и потому не нуждающихся в оправдании своего существования («They needed no excuse» («Они не нуждались в оправданиях». – Здесь и далее перевод мой. – Е. А.), – подытоживает рассказчик Чарльз Марло – и мир женщин, воспринимающих наличное бытие совершенно иначе, нежели мужчины («Мир развалился бы на части, не дотянув и до вечера»), если бы он «был таким, каким его представляют себе женщины», – говорит Марло после разговора с тетушкой) [8].

По мысли автора, оба эти мира нуждаются в бережном – охранительном по отношению к ним – отношении: они одинаково уникальны, бесценны и, в конечном счете, без них невозможна Красота мира – природная (Африка и африканцы) и душевная – духовная красота, несомая и хранимая женщинами: способность жалеть, помогать, хранить верность, идеалистически верить в лучшее в человеке. Такое отношение воплощено в размышлениях – и поступках – главного рассказчика романа Чарльза Марло, чутко и вдумчиво воспринимающего как своих чернокожих mates, так и женщин, изображенных в тексте – свою тетушку и невесту Куртца. Венцом душевной тонкости рассказчика по отношению к «инаковому» миру женщин в финале произведения оказывается его беседа с the Intended – Нареченной к тому времени уже умершего Куртца: ложь о последних словах Куртца, сказанная Марло его невесте/вдове, является ложью во спасение – вполне в духе XIX в.: ведь она спасает хрупкий внутренний мир одинокой женщины, в котором она живет и без которого выжить не может⁵.

Гуманизм Дж. Конрада, в художественной актуализации проблематики «Сердца тьмы» предугадавшего многие сложнейшие (и зачастую неразрешимые) проблемы XX века, во многом принадлежит «чувствительному» викторианскому веку. В отличие от трагического гуманизма елизаветинцев, понимавших гуманизм как «извечный принцип равновесия в мире Добра и Зла», – их нескончаемой борьбы, которая не может быть завершена [7], в гуманизме Дж. Конрада Добро все же перевешивает: чувство сострадания позволяет его герою – рассказчику Марло – создать *спасительную* иллюзию для самого страдающего персонажа романа – невесты / вдовы Куртца, – подлинно викторианской женщины, вернее, подлинно английской: ее образ восходит к чосеровской Гризельде, марловской Зенократе («Гамерлан Великий»), Дездемоне Шекспира, филдинговской Амелии, наконец, к «голубым героиням» Диккенса и к теккереевской

³ См. об этом основополагающие статьи Хейвуда [12; 13].

⁴ В целом популярные дамские сочинения, как и вся популярная дамская общественная деятельность (в том числе аболиционистская) современными им писателями-мужчинами воспринималась как несерьезная и нередко пародировалась. Так делал У. Теккерей в своей пародии «Романы модных сочинительниц» и в комических отступлениях Автора-Кукольника, на Ярмарке Тщеславия потешающегося над миссионерскими памфлетами, душеспасительными книжками и пошиваемыми леди Саутдаун фланелевыми юбочками for roog blacks [19, с. 185]; Ч. Диккенс в начале 1850-х гг. в романе «Холодный дом» саркастически изобразил бурную миссионерскую деятельность миссис Джеллиби, позабывшей в пылу своей активной общественной жизни о доме, семье и детях – главных ценностях викторианской эпохи.

⁵ Наблюдение L. Hinkle о том, что the Intended вырывает у Ч. Марло ту «правду», которая ей нужна [15], еще раз подтверждает справедливость предположения о близости этого образа персонажам классических ранневикторианских романов – особенно романов У. Теккерея; об амбивалентности кротости викторианских женщин и их готовности служить ближним в «Ярмарке Тщеславия» и последующих романах Теккерея 1840-50-х гг. – см. мою статью о викторианском конструкте женственности [5].

Амелии с ее любовью к непутевому и недостойному Джорджу Осборну, – т. е. к верным, преданным, всегда готовым к самопожертвованию женским персонажам английской классики. Подобно литературным героиням XIX в., созданным мужчинами, – В. Скоттом, Дж.-Г. Байроном, а также Ч. Диккенсом и У. Теккереем, эта героиня существует в «каком-то своем, собственном, придуманном ею мире» (как это делают «женщины вообще», по наблюдению Чарльза Марло); этот мир не имеет «ничего общего с суровой реальностью мира» мужчин [8], но он, с точки зрения Марло, бесконечно ценен и нуждается в охране – в сохранении в нетронутом виде, в мужской защите от жестокой правды бытия; это – отголосок типично викторианской, распространившейся в 1830-40-е гг.) концепции охранительной мужественности (Protective Manliness) [19]. Чарльз Марло спонтанно сочиненным им финалом жизни Куртца: «It was her name that he had last pronounced» («Последним словом, которое он произнес, было ее имя») [8] создает для Нареченной покойного своего рода *насторальную идиллию*, по-мужски и по-христиански защитив «придуманный ими (Женщинами. – Е. А.) мир» для подлинно трагической (в понимании викторианцев) героини. Этот гуманизм родственен и близок гуманизму английских писателей 1840-х гг., и, шире, гуманизму английских художников слова, начиная с Дж. Чосера, К. Марло и В. Шекспира вплоть до А. Бен, Г. Филдинга и романистов «великой плеяды».

«Сердце Тьмы» и «Лорд Джим», являющие собой своеобразную «мужскую» дилогию о колонизаторах и колонизованных, неожиданно продолжают эту великую традицию английской литературы, при этом следуя и традиции поздних английских романтиков, проявивших большой интерес к литературе елизаветинской поры⁶. В романе «Лорд Джим», созданном сразу после «Сердца Тьмы», два «инаковых» мира сводятся *воедино* в образе возлюбленной главного героя – юной креолки Jewel: так Конрад создает *новый* образ *model female* – идеальной женщины – западноевропейской (ее отец и дед были голландскими колонизаторами) дочери Малайских островов, новаторски модифицируя актуальный ко времени создания романа социокультурный и литературно-художественный тип «новой женщины» (New Woman)⁷. Образ центрального женского персонажа в «Лорде Джиме» является сокровищем художественным: реализация метафоры драгоценного камня, актуализованной именем героини («Jewel» – «драгоценный камень, сокровище»), осуществляется посредством комически воспроизведенного Марло местного мифа о Туане Джиме, хранящем добытый им волшебный изумруд на груди своей малайской возлюбленной. Так в последнем из двух антиколониалистских произведений 1890-х гг. Конрад дает принципиально *новое* видение перспектив взаимодействия рас и культура – и

новое видение женского идеала. Это – перспектива межрасовой гибридности и – перспектива развития социокультурного типа «новой женщины» (New Woman)⁸. Представляется, что такое ощущение мира и человека стало возможным в том числе и благодаря инациональному – славянскому – происхождению автора обоих шедевров литературы Англии.

Представляется, что в романе о лорде Джиме Дж. Конрад, хотя и бегло, очерчивает *новые* перспективы развития человечества – перспективу *гибридности* грядущей расы людей и связанную с ней перспективу социокультурного развития женщины (которая всякую расу всегда генетически хранит и культурно совершенствует), – т. е. перспективу становления женщины двадцатого и последующих столетий; художественная актуализация этих двух перспектив составляет, возможно, одну из важных характеристик интеллектуального (футурологического) вклада произведений Дж. Конрада.

Конрадовский *новый* образ *model female*, созданный в «Лорде Джиме», перекликается с популярным в литературе 2-й половины XIX в. традиционным литературным и социокультурным типом New Woman и новаторски модифицирует его. Новаторство Дж. Конрада, художественно трактующего о проблеме «новой женщины» – в принципиально новом – *ином* этническом материале: он создает образ женщины иной, не-белой расы. Этот гибридный в расовом и социокультурном отношении тип близок типу *неимущей* белой женщины, впервые художественно воссозданному Ш. Бронте на страницах «Jane Eyre» и «Villette»: это – женщина, сделавшая себя сама: деньги, обеспечивающие свободу и достойную жизнь, она получает не по наследству и не через удачный брак, а зарабатывает самостоятельно. При этом Конрад вносит *новый нюанс*, существенно отличающий этот новый для западных литератур тип женщины: это – ее *расовая otherness*; умноженная на *гендерную* инаковость, она многократно усложняет (и в текстах, и в реальной жизни) существование этого типа женщины⁹. Тема гибридности, имплицированная женским образом креолки Jewel, в романе поддерживается и углубляется образом Дэйна Уориса – малайского юноши, природой наделенного лучшими чертами *белого* мужчины (он ироничен, сообразителен, креативен, деятелен, и – «способен сражаться, как это делают белые» («capable to fight as the whites do»)) [8, с. 332]. При этом в образе Jewel «гибридируются» вечные лучшие общечеловеческие качества безотносительно их расовой и гендерной принадлежности: хладнокровие, ответственность и

⁸ При этом термин «hybridity» мы понимаем не расширительно, как это делают многие современные исследователи, а традиционно, имея в виду прежде всего биосоциальный и социокультурный аспекты явления.

⁹ Тему расово иной, бедной, сделавшей самое себя «новой женщины» уже в середине XX века подхватывает и на новом историческом и этническом материале (хотя и расово близком – действие тоже происходит в Юго-Восточной Азии) развивает Грэм Грин в «Тихом американце», актуализируя ее образом Фуонг – восемнадцатилетней вьетнамской танцовщицы, свободно и хладнокровно выбирающей между двумя обеспеченными англосаксонскими мужчинами.

⁶ О внимании поздних романтиков к творчеству К. Марло и об интересе семьи Дж. Конрада к елизаветинскому театру см. мою статью о перекличке «Дидоны» и «Сердца Тьмы» [2].

⁷ Популярность этого типа впервые была художественно «зафиксирована» новеллой Г. Джеймса «Дейзи Миллер» (1879).

активность, здравомыслие и отсутствие паразитарных привычек.

Здесь следует остановиться на паразитарных привычках, культурно «унаследованных» Нареченной Куртца от белых женщин – «Daughters of England», породивших и воспитавших не одно поколение расы колонизаторов. «Культурная» деталь, характеризующая этот персонаж – *ivory keys of the Intended's piano* (клавиши фортепиано Нареченной, сделанные из слоновой кости) – при всей своей единичности многозначительно коррелирует с бегло очерченными Конрадом подробностями колонизаторских практик белых мужчин, воспитанных белыми женщинами – с гниющими тушами убитых в Африке слонов, с сараем Куртца, доверху набитым слоновой костью и (опосредованно) с вереницей умирающих от голода и непосильной работы африканцев, последовательно уничтожаемых добычей этого драгоценного (для культурных европейцев) сырья. Возможно, образ Нареченной в «Сердце Тьмы» предельно обобщен именно в силу упомянутого «культурного наследования»¹⁰; это – образ-знак: у нее нет имени собственного, вместо него – только *означение* семейного статуса («the Intended»), в то время как у Jewel *есть* имя, данное ей возлюбленным, и оно эксплицирует степень ее ценности и значимости для тех, кто ей это имя дал: для автора и созданного его воображением Туана Джима.

Так в романе возникает образ нового (исторически надвигающегося) мира: the Other world – *иного*, по сравнению с существующим во время действия романа (и во время автора) мира, ядро которого составляют *иные* – «гибридные» представители иной, нежели господствующая белая, расы – *лучшие* представители этой *гибридизированной* расы: женщина (Jewel) и мужчина (Дэйн Уорис). В гибели последнего и в бесцветном проживании своей жизни первой после смерти ее возлюбленного повинен замечательный во многих отношениях и безупречный по своим нравственным качествам белый человек – лорд (Tuani!) Джим. Знаменательный диалог через ручей между Джимом и белым злодеем Брауном обнаруживает неожиданные точки схождения между двумя белыми колонизаторами, находящимися на противоположных нравственных полюсах человечности; это – интеллектуальный диалог, возможно, являющийся собой интеллектуальную кульминацию романа: оба эти обстоятельства – противоположность этики и – неожиданное сходство судеб (оба они – изгой общества, которое их отвергло) оставляют у читателя неясное тягостное ощущение тревоги и сомнений, предвосхищая трагический и печальный финал романа.

Таковы мужчины в романе Дж. Конрада. Но женщина, по замыслу автора, все же выжила; за ней – будущее, и за ней же, согласно логике повествования, и деньги опекающего ее Стайна – главного колониального чиновника региона, так же по-

отечески, как и о Jewel, заботившегося о Джиме. Представляется, что в образе Jewel Конрад воплощает образ Новой Женщины – качественно новой – Иной – по сравнению с ее белой (англосаксонской) историко-культурной и историко-литературной предшественницей.

Представляется, что в обоих рассмотренных нами текстах автор, наследуя традиции писателей 1840-х гг., *проверяет* традиционную викторианскую концепцию of an ideal Victorian female. Реализм «Сердца Тьмы» существует на новом (по сравнению с реализмом «Ярмарки Тщеславия») витке художественного осмысления результатов и перспектив колонизаторских практик Британии – на витке, напоминающем уровень осмысления этой проблемы, представленный, например, «женскими» романами Джейн Остин («Мэнсфилд Парк») и Эмили Бронте («Грозовой Перевал»).

В связи с этим стоит хотя бы бегло упомянуть о еще одном важном для романа проблемном аспекте, сближающем Конрада с английскими романистами 1830-40-х гг.: о проблеме героики и героического. Представляется, что образцом подлинной мужественности в романе о лорде Джиме оказываются персонажи, внешне (а в случае с Jewel – и по ее гендерному статусу) не имеющие ничего героического, но на деле проявляющие себя людьми, которым героизм имманентен в силу внутренне присущего им благородства – качества, по мысли автора, никак не зависящего ни от расового, ни от гендерного статуса человека.

Уже в самом начале романа о лорде Джиме Конрад взрывает культурный и литературный гендерный штамп of real manliness/femininity, выработанный в 1-й половине XIX века и в конце этого периода (в 1840-е гг.) поставленный под сомнение Теккереем [5] и, возможно, Шарлоттой (характер Джен Эйр) и Эмили Бронте (характеры Кэтрин и Кэти с их традиционной для массовой литературы того периода ангельской внешностью) [4] – взрывает посредством иронического контраста между мужественной внешностью Джима и «девчачьим личиком» его однокашника – («a boy with a face like girl's» [9, с. 35], который (в отличие от Джима), повел себя мужественно и достойно во время шторма, вовремя прыгнув в шлюпку (что Джим сделать побоялся) и сумев спасти утопающего взрослого моряка. В финале этот «взрыв» завершается еще одним – заключительным! – аккордом: деталью частной ситуации, в которой хрупкая туземная девушка Jewel, спасая Джима, побуждает, вдохновляет и помогает ему совершить мужественный поступок, а заодно и избежать смерти: она держит для него факел, чтобы спасти его физически, и одновременно – привести к героическому поступку, совершить который было целью его жизни. Здесь возникает неожиданная параллель с предыдущим текстом Конрада о колонизаторах и колонизованных: ассоциация с образом женщины на рисунке Куртца в «Сердце тьмы» – женщины, держащей в руке факел, освещающий, просвещающий и направляющий общество, возглавляемое и руководимое мужчинами. Так в «Лорде Джиме» происходит реализация традиционной метафоры факела – источника света, добра и справедливости; автор «вручает» настоящий

¹⁰ Вопрос о художественной экспликации проблемы взаимодействия мира of English Home/Domesticity и мира далеких стран как она осуществляется в произведениях английских писателей середины XIX в. (например, у У. Теккерея и Ч. Кингсли) заслуживает отдельного внимания и здесь рассматриваться не будет.

факел живой (а не нарисованной, как в «Сердце Тьмы», к тому же – Куртцем) женщине – «новой женщине», принадлежащей колонизованной расе.

Концепция женственности у Конрада в 1890-е гг. и его размышления о «new woman» и ее перспективах в его художественном исследовании колониализма – в двух романах об этом явлении, написанных почти одновременно, и тематически и хронологически образующих единое целое, актуализируются на бинарной оппозиции двух женских персонажей: Нареченной Куртца – Jewel, малайской возлюбленной Туана Джима. В восприятии современного читателя оба эти образа отчетливо соотносятся с историческим временем – с определенными этапами развития Британской империи: ее недавним прошлым, угасающе продолжающимся в авторское настоящее, и с ее надвигающимся будущим, зерна которого были посеяны в авторском настоящем далеких экзотических стран, колонизованных европейцами (главным образом англичанами). За Нареченной Куртца – недавнее прошлое великой империи колонизаторов: ее дом (с ivory keys in piano), ее мироощущение и ценности – результат и плод британского XIX века, на метафорическом и бытовом уровне умирающего в гробоподобном особняке Нареченной (подобно тому, как викторианская эпоха умирает в доме Суизина Форсайта у Дж. Голсуорси в «Саге о Форсайтах»); и сама она с ореолом седых волос вокруг головы (angel in the house!) – тоже принадлежит к вымирающей – выморочной – и во многом вымороченной воображением английских мужчин типа К. Пэтмора «Angel in the House» (1854) породе женщин (в «Кухне Филлис» это заметил уже эпизодический персонаж Э. Гаскелл – за сорок лет до создания «Сердца Тьмы» Конрада: «angels is dead folk»; здесь обнаруживается переключка Конрада с Гаскелл, создавшей в кухне Филлис (и раньше – в «Севере и Юге», примерно за десять лет до «Кухни Филлис»). Удивительным образом – и на совершенно новом – (колониальном!) культурном и этническом материале тема «новой женщины» развивается и получает новый, неожиданный поворот у Дж. Конрада; тем более что культурно-историческая (и, возможно, расовая, биологическая) исчерпанность типа европейской белой «новой женщины» обнаруживается как до, так и после Конрада у американских модернистов (младшие из них у Конрада учились и им восхищались) – от «Дейзи Миллер» Г. Джеймса до Дейзи Бьюкенен Ф.-С. Фитцджеральда, – любимой женщины Великого Гэтсби (вырождение типа новой женщины в 1920-е гг. в «party-going fashion-oriented type», воплощенном в образе последней, отмечают современные историки культуры). Колониальный же – транскультурный – тип «новой женщины», актуализованный в образе Jewel, едва ли склонен к вырождению: у него – другой природный потенциал, за ним – будущее – то, о котором лениво (хотя и озабоченно) рассуждает прорасистски настроенный муж Дэйзи, толкующий о «rise of yellow empires». Если такие империи когда-нибудь будут созданы, то во многом благодаря усилиям таких новых – транскультурных – женщин.

Подытоживая сказанное, отметим, что *новаторство* Дж. Конрада состоит в художественном исследовании викторианского идеала model female в контексте эпохи расцвета империалистических завоеваний Британии и в актуализации *исчерпанности* этого идеала, а также в художественном воссоздании социокультурного типа New Woman на принципиально новом для литератур Западной Европы и США географическом и расовом материале. Генетическая и культурная гибридность конрадовского типа «новой женщины» актуализует процесс межкультурного и межрасового взаимодействия, имеющего своим результатом возникновение нового, качественно иного типа женщины, ценность которого в романе художественно утверждается и поддерживается мужским образом, посредством которого автор (наряду с другими мужскими образами) исследует поставленную еще романистами 1830-40-х гг. проблему героики: в образе Дэйна Уорриса автор соединяет лучшие черты романтически увиденного белого и не-белого (расово иного) мужчины – представителя далекой колонизованной азиатской страны. При этом важно отметить, что гибридизация в узком (биосоциальном и социокультурном) смысле для Конрада вовсе не является решающей: романтическое мироощущение писателя допускает возможность органического – природного и культурного – соединения лучших качеств белой и туземной рас в гармоническое единство «нового человека», черты которого обозначены образом Дэйна Уорриса, гибель которого в финале романа обусловлена несовершенством главного героя – представителя древней белой расы колонизаторов и естествоиспытателей.

Т. С. Элиот в свое время заметил, что творчество Дж. Конрада стоит в стороне от эволюции английской литературы. Думается, это спорно; предлагаемая работа обнаруживает многочисленные схождения и переключки между произведениями Конрада и английским антиколониалистским дискурсом XVI-XIX ст. (в том числе дискурсом литературно-художественным); это позволило нам утверждать, что «Сердце тьмы» и «Лорд Джим» продолжают и развивают традицию английской классики от великих елизаветинцев до Э. Бронте и У. Теккерея (а возможно и Ч. Кингсли и К. Пэтмора – только полемично переосмысливая их образность и их понимание расовых и гендерных взаимодействий). Представляется, что авторская концепция расы и гендера в рассмотренных нами текстах художественно актуализируется в русле традиции упомянутого (анти)колониалистского дискурса. При этом Дж. Конрад углубил художественные и социологические открытия К. Марло и авторов женских произведений на тему колонизаторских (и иных эксплуататорских) практик, увиденных писательницами предельно обобщенно, а также наследовал традиции английских романистов «великой плеяды», при этом проявив особый интерес к характерам представителей иной – не-белой расы (в «Лорде Джиме»). Представляется, что этот интерес, в частности, обусловлен «гибридностью» сознания самого автора, принадлежавшего к угнетенному (колонизованному Российской империей) народу, и

оттого – остро переживавшего и глубоко осмысливавшего проблемы *всякого* колонизованного народа – при всем его искреннем восхищении эффективностью («efficiency» [8]) британского империализма и глубоко уважительном отношении к культуре и литературе Англии.

ЛІТЕРАТУРА

1. Авраменко О. І. «Грозовий Перевал» Е. Бронте: образ Хіткліфа в соціокультурному контексті 1840-х рр. / О. І. Авраменко // Від барокко до постмодернізму : [зб. наук. праць] / [відп. ред. Т. М. Потніцева]. – Вип. XV – Дніпропетровськ : Видавництво ДНУ, 2011. – С. 73–79.
2. Авраменко Е. И. Гуманистический интертекст «Сердца Тьмы» Дж. Конрада: ретроспективная функция историко-литературных аллюзий / Е. И. Авраменко // Сучасні літературознавчі студії : [зб. наук. праць]. – Вип. 10. – К. : Видавничий центр КНЛУ, 2013. – С. 8–16.
3. Авраменко О. І. Метафізична концептуальність «Грозового Перевалу» Е. Бронте у соціально-історичному контексті Англії XVI – першої половини XIX ст. / О. І. Авраменко // Актуальні проблеми духовності / [гол. ред. Я. В. Шрамко]. – Вип. 13. – Кривий Ріг : ДВНЗ «КНУ», 2012. – С. 283–290.
4. Авраменко Е. И. Образ домашнего очага в «Рождественских повестях» Ч. Диккенса и «Грозом Перевале» Э. Бронте (гендерная трансформация культурного кода) / Е. И. Авраменко // Англістика та американістика : [зб. наук. праць]. – Вип. 7. – Дніпропетровськ : Вид-во ДНУ ім. О. Гончара, 2010. – С. 271–277.
5. Авраменко Е. И. Типология образов и ранневикторианский конструкт женственности в романах У. М. Теккерея о прошлом / Е. И. Авраменко // Наукові записки ХНПУ. Серія «Літературознавство». – Вип. 2 (62), частина 1. – Харків : ППВ «Нове слово», 2010. – С. 28–34.
6. Ватченко С. А. У истоков английского антиколониалистского романа (Творческие поиски Афры Бен в романической прозе) / С. А. Ватченко. – К. : Наукова думка, 1984. – 285 с.
7. Шайтанов И. О. История зарубежной литературы. Эпоха Возрождения / И. О. Шайтанов ; [ред. Т. Д. Дажина]. – М. : Дрофа, 2009. – 464 с.
8. Conrad J. Heart of Darkness [Електронний ресурс] / J. Conrad. – Режим доступу : <http://www.gutenberg.org/cache/epub/526/pg526.html>.
9. Conrad J. Lord Jim / J. Conrad. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1959. – 407 p.
10. Donaldson Laura E. Decolonizing Feminisms: Race, Gender and Empire-Building / Laura E. Donaldson. – Chapel Hill : University Of North Carolina Press, 1992.
11. Evans E. Gender and Race in Othello [Електронний ресурс] / E. Evans. – Режим доступу : <http://www.unc.edu/~edevas/othello.html>.
12. Heidemann F., Toro A. de. Introduction Rethinking Postcolonialism and Hybridity / F. Heidemann, A. de Toro // New Hybridities, Hildesheim u.a. (Olms). – Leipzig, 2006. – S. 9–17.
13. Heywood Ch. Yorkshire Background for «Wuthering Heights» / Ch. Heywood // The Modern Language Review. – Vol. 88, part 4. – October 1993. – P. 817–830.
14. Heywood Ch. Yorkshire Slavery in «Wuthering Heights» / Ch. Heywood // The Review of English Studies. – № 3. 38, 150. – 1987. – P. 184–198.
15. Hinkle L. Women and Silence in Joseph Conrad's Heart of Darkness... or Patriarchal Fantasy, 2.0 / L. Hinkle // An Online Feminist Journal. – Vol. 1, Issue 5. – January, 2007. – P. 3–5.
16. McIntire G. The Women Do Not Travel: Gender, Difference, and Incommensurability in Conrad's «Heart of Darkness» / G. McIntire // MFS Modern Fiction Studies. – Vol. 48, Issue 2. – 2002. – P. 257–284.
17. Nestvold R. The White Mistress and the Black Slave: Aphra Behn, Racism and the Beginnings of Novelistic Discourse [Електронний ресурс] / R. Nestvold. – Режим доступу: <http://www.lit-arts.net/Behn/racism.htm>.
18. Peters J. G. Joseph Conrad's «Heart of Darkness» and the World of Western Women / J. G. Peters // Studies in Short Fiction. – Vol. 37, Issue 1. – January 2012. – P. 87.
19. Surridge L. Bleak Houses: Marital Violence in Victorian Fiction / Lisa Surridge. – Athens, Ohio University Press, 2005. – P. 72–103, 187–216.
20. Thackeray W. M. Vanity Fair. A Novel Without A Hero / W. M. Thackeray. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1951. – P. 185.
21. Vaughan A. T. Before «Othello»: Elizabethan Representations of Sub-Saharan Africans [Електронний ресурс] / A. T. Vaughan, V. Vaughan. – Режим доступу : <http://www.wikidshakespeare.-pbworks.-com/-/Before+Othello+e-libethan+Repre-sentations+of+Su-b--Saharan+Africans.-.pdf> (20.09.13).